

Дмитрий
Мережковский

ЛИЦА

ЛЮТЕР

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Лица. Лютер / Д. Мережковский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 260 с.

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

«Лица. Лютер» — блестящий образец романа-биографии, раскрывающий тайны личности христианского богослова, инициатора Реформации и ведущего переводчика Библии на немецкий язык Мартина Лютера. Пронизанная глубокими размышлениями о вере, свободе личности и духовном поиске, эта книга будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

I . ЛЮТЕР И МЫ	5
II. ЖИЗНЬ ЛЮТЕРА	54

I. ЛЮТЕР И МЫ

I

Что такое Церковь? И что такое Личность? Что такое Христос?

Этого люди наших дней, в огромном большинстве, не знают; может быть, и знали когда-то, но теперь уже забыли, не могут или не хотят вспомнить; и дать им это почувствовать почти так же трудно, как слепорожденному, что такое свет, и глухорожденному, что такое звук. Люди вообще с трудом понимают ненужное для них, или то, что им кажется таким. Самое ненужное для человека наших дней, и потому самое непонятное, в этих трех звеньях крепко спаянной цепи, где среднее звено: что такое Личность? соединяет два крайних: «Что такое Церковь?» и «Что такое Христос?»

*Личность будь для человека
Высшим благом на земле, —
Höchstes Glück der Erdenkinder
Sei nur die Persönlichkeit —*

учит Гёте, один из последних пророков Личности, но и один из первых от нее отступников, делающих роковую для человеческой личности попытку оторвать ее от того единственно живого корня, на котором она растет и которым питается, — от Личности Божественной — Христа. Гёте хочет вынуть среднее звено из той

тройной цепи — Христос — Личность — Церковь; но не вынет, потому что слишком крепко спаяна цепь.

«Всякую попытку выставять на вид то орудие муки с пригвожденным к нему Страдальцем, от Которого и солнце отвратило лицо свое, мы считаем кощунством, — говорит Вильгельм Мейстер, Великий Мастер Каменщиков, в котором трудно не узнать самого Гёте.

— Нет, мы не шутим с этой божественной тайной страдания... и не делаем его орудие (Крест) украшением, боясь низвести то, перед чем мы благоговеем, на уровень низкого и пошлого». Очень замечательно заглавие этой 2-й книги Вильгельма Мейстера «Die Entsagenden», Отрекающиеся, т. е. предсказанное Данте «великое от Христа отступление, отречение, *il gran rifiuto*».

Тише, неслышнее, незримее и окончательней нельзя было сделать того, что делает здесь или пытается сделать Гёте, — снять с человечества Крест. Но дело это труднее, чем думает Гёте. Ветвь человеческой личности, отсеченная от лозы своей — Личности Божественной — Христа, — не может уцелеть.

Я есмь лоза, а вы — ветви; кто пребывает во Мне, и Я — в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не может делать ничего. Кто не будет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают (Иоанн, 15:5, 6).

Кажется, бескрестным человечеством, каким его хотел увидеть Гёте, а мы уже почти видели, и загорается сейчас этот огонь, сжигающий сухие ветви, пустые личины, без человеческих лиц.

«Делать без Меня не можете ничего», — ни делать, ни даже быть. Вот что Гёте забыл, когда, вынуж из-под человеческой личности единственную опору бытия — Личность Божественную, — думал, что можно все-таки сказать человеческой личности: «Будь».

*Никаких потерь не бойся —
Только будь самим собой.
Alles könne man verlieren,
Wenn man bleibe, was man ist.*

Но этого-то мы и не хотим, если «мы» значит «люди наших дней», в том огромном большинстве, которым сегодня решаются или завтра будут решаться судьбы мира. Быть не самими собой — личными, единственными, а бесчисленными, безличными, — вот чего мы хотим, потому что мера личности — качество, а наша мера — количество. Свойство личности — неповторимость, единственность, а наше свойство — повторения бесконечные. Главная воля наша — быть похожими на всех больше, чем муравей похож на муравья или один древесный лист на другой, быть похожими, как одна водяная капля похожа на другую. Воля наша — быть не целыми, а частью, не единицей, а дробью; сначала органической клеткой огромного государства, народа, племени, а потом механическими атомами той мертвой глыбы вещества, которой нам кажется мир.

Как сильна в наши дни эта воля к безличности, видно из того, что на обоих полюсах нашей государственности — в коммунизме и фашизме — в самовластии всех

над одним и самовластию одного надо всеми, — воля эта господствует одинаково. Противоположнейшие идеиности во всем — фашизм и коммунизм — сходятся только в одном — в воле к безличности. Левая рука, может быть, не знает, что делает правая: та разрушает, эта создает; но обе все-таки делают одно и то же дело: борются с Личностью как с исконным врагом своим; подавляют ее как ненужную для себя или вредную силу.

Хуже всего то, что эта борьба — вслепую: как бы два человека, в темноте, схватили друг друга за горло и душишат, и режут друг друга, не зная, кто кого и за что; хуже всего то, что эта борьба происходит на такой неисследимой глубине воли и так бессознательно, что борющихся нельзя остеречь, показать им, что они делают и на какую верную гибель идут.

Страшно то, что человек может, сохраняя внешнее лицо, человеческое, потерять лицо внутреннее; все еще казаться, но уже не быть человеком. Еще страшнее то, что, сохраняя и даже как бы умножая внутренние силы человеческого духа, будучи на высоте того, что люди наших дней называют «культурой», «цивилизацией», творя чудеса искусств и наук, человек может иметь внутреннее лицо звериное или насекомообразное, или даже никакого лица не иметь, а носить только пустую личину вместо лица. Но самое страшное — то, что эти человекообразные, овладевая людьми и делая их подобными себе, могут не только мучить их и истреблять, но и делать счастливейшими, так что ад, в котором они живут, им кажется раем.

Если быть личностью — значит быть человеком, то конец личности есть и конец человечества. Судя по тому, как в наши дни бесконечно растущая воля к безличности проникает, подобно тончайшему и сильнейшему яду, во все живые ткани человечества, гибель его неизбежна, если все и дальше пойдет, как сейчас. Может ли человечество спастись? Верующие знают, что могут, потому что недаром на земле был Спаситель; знают и то, что человечество может спастись не на чужбине, а только на родине Личности — не в Государстве, а в Церкви.

Государство, в лучшем случае, личности не видит, а в худшем — казнит. Церковь ставит Личность во главу угла, потому что сам Основатель Церкви есть первое и последнее, никогда не превзойденное и непревзойденное явление божественно-человеческой Личности. Сделаться личностью — сказать, один во всей безличной природе, «Я есмь» — человек мог только потому, что это говорит Сын Человеческий — Сын Божий:

*Когда вознесете на крест Сына Человеческого,
тогда узнаете, что это Я — Ego eimi
(Иоанн, 8:28).*

Высшее в Государстве — закон, т. е., в последнем счете, насилие над личностью. Высшее в Церкви — любовь, т. е., в последнем счете, воскрешающее освобождение личности. Государство приносит человека в жертву себе; в Церкви приносит в жертву Себя за человека Тот, Кого весь мир не стоит.

Но если так, то почему же люди уходят из Церкви? В Государство, от матери к той древней Волчице, что вскормила молоком своим двух первых Ближнецов-Подкидышей, из которых один воздвиг на братниной крови величайшее из всех государств — будущего соперника Церкви — Рим? Может быть, люди, уходящие из церкви, не так виноваты, как это кажется тем, кто в ней остается. Есть ли такое глупое дитя, которое могло бы не знать, что для него лучше — греться у груди Матери, кормясь ее молоком, или мерзнуть голому на голой земле и ждать, не придет ли наконец Волчица? Но если и покормит, то все-таки тотчас младенец будет окровавлен слишком острым и жестким, точно железным, сощом. И с каким жутким, тошным привкусом будет после молока материнского — волчье!

Нет, кажется, для того, чтобы люди могли уйти из Церкви в Государство так, как сейчас уходят, — что-то должно было произойти в самой Церкви. Что же именно? Вот вопрос, на который, может быть, еще не ответил, но который поставил Лютер всей своей жизнью и всем учением своим, так, как если бы он жил и учил, погибал и спасался, вместе с нами.

Как сочетается в той трехчленной цепи — Христос — Личность — Церковь — среднее звено с двумя крайними, — Лютер знает, как никто; это и мы могли бы от него узнать. И если нет для нас нигде спасения, кроме Церкви, а к ней нет иного пути, кроме Личности, то и спастись мог бы помочь нам Лютер, как никто.